

УДК 94(470,22)

DOI: 10.15393/j14.art.2021.156

Статья

Попов Денис Александрович

студент 2 года обучения

Петрозаводский государственный университет

Институт истории, политических и социальных наук

Кафедра отечественной истории

Научный руководитель — профессор **Веригин Сергей Геннадьевич**

Петрозаводский государственный университет

**Военные преступления финских интервентов
в Карелии в 1918—1920 гг.**

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с совершением военных преступлений финскими интервентами на территории Олонецкой губернии и Кемского уезда Архангельской губернии в 1918—1920 гг. Изучены все случаи, которые можно подтвердить архивными данными. Проведён анализ проблемы изучения военных преступлений, которые совершались против мирных жителей Советской России после 1917 г. Проведено сопоставление характера военных преступлений белых финнов во время финской интервенции в Карелии в 1918—1920 гг. и во время Великой Отечественной войны в 1941—1944 гг.

Ключевые слова: военные преступления; преступления против человечности; финская интервенция; Гражданская война в Карелии

Введение

После окончания Второй мировой войны в сентябре 1945 г. было издано большое количество научной, научно-популярной и художественной литературы о событиях той поры. Изучение военных преступлений нацистской Германии и её союзников началось ещё до окончания боевых действий, с освобождением оккупированных территорий. Однако полноценное изучение этих событий началось лишь после распада СССР и исчезновения сильного влияния коммунистической идеологии. До сих пор исследователи сталкиваются с большим количеством проблем — от банальной сложности проведения эксгумации останков жертв военных преступлений, до проблемы засекреченности многих документов, которые хранятся в ведомственных архивах.

Стартовавший 19 марта 2019 г. проект «Без срока давности» являлся, пожалуй, наиболее важным военно-историческим проектом постсоветской России, посвящённым событиям Великой Отечественной войны. В ноябре 2020 г. к 75-летию Нюрнбергского процесса над нацистскими преступниками проект завершился. В его рамках издано 23 тома сборников архивных

документов по военным преступлениям, совершённым на оккупированной территории СССР в 1941—1945 гг. Один из региональных томов посвящён истории оккупации Карело-Финской ССР и при работе с его материалами возникает множество вопросов. Ведь если преступления немецко-фашистских захватчиков известны всем, то преступления их союзников до сих пор остаются в тени.

Стоит отметить, что Финляндия была наиболее необычной союзницей Третьего Рейха, которая так и не заключила официального военного договора с гитлеровской Германией и которая проводила совершенно обособленную от немцев оккупационную политику. Несомненно, изучение военных преступлений 1941—1944 гг. представляет большой интерес из-за их широкого масштаба (достаточно упомянуть, что в Карелии была наивысшая плотность размещения мест принудительного содержания интернированного населения, чем где-либо ещё в годы Великой Отечественной войны) и из-за их связи с военными преступлениями, совершенными в целом за период 1941—1945 гг. Впрочем, необычность статуса Финляндии среди союзников гитлеровской Германии заключается ещё и в том, что Финляндия была единственным государством, с которым Советская Россия воевала до 1941 г., причём неоднократно. Хотя с Германией наша страна воевала в период Первой мировой войны, но это была Германская империя, политический строй и армия которой кардинально отличались от нацистского режима, установившегося в Германии в 1933 г.

В этом контексте представляется крайне важным изучить характер военных преступлений финнов в годы финской интервенции в Карелии и масштабы этих преступлений, потому что знание предыстории советско-финляндских конфликтов позволяет наилучшим образом понять причины вступления Финляндии во Вторую мировую войну на стороне гитлеровской Германии и причины столь жестокого отношения финских оккупационных властей к нефинскому населению КФССР в 1941—1944 гг. Необходимо сравнить характер жестокости белых финнов во время интервенции и во время Великой Отечественной войны, чтобы выяснить, произошла ли какая-либо трансформация в совершении военных преступлений за 21 год, прошедший после подписания Тартуского мирного договора.

При исследовании военных преступлений большой проблемой становится то, что они всегда являются объектами пропаганды. Во время войны каждая сторона пытается представить противника в самых чёрных красках и, несомненно, зверства, совершаемые противником, весьма качественный инструмент в достижении данной цели. Из-за этого использование периодической печати периода войны для изучения военных преступлений не выглядит целесообразным — газеты и журналы были такими же инструментами пропаганды, как и листовки. Воспоминания участников Гражданской войны в Карелии, издававшиеся в СССР, представляют больший научный интерес, однако упоминаемые в них факты совершения преступлений необходимо проверять. То же касается и научной литературы советского периода. Для изучения военных преступлений финнов, совершенных в 1918—1920 гг., наиболее ценными представляются материалы Национального архива Республики Карелии (НАРК). В первую очередь важны документы фонда Р-319, опубликованные в сборнике «Карелия в период гражданской войны и иностранной интервенции. 1918—1920» [4] и документы фонда Р-550 [2], которые в данной статье вводятся в научный оборот впервые. Впрочем, при работе с архивными документами данной тематики встает ещё одна проблема, связанная с тем, что военные преступления на территории Карелии в 1918—1920 гг. совершали не только финские интервенты, но и войска стран Антанты (в первую очередь, Великобритании). Из-за этого многие списки погибших от рук интервентов в 1918 г. или 1919 г. в качестве источников заявленного в данной статье исследования оказываются бесполезными, так как выяснить, кого из перечисленных убили финны, а кого англичане или русские белогвардейцы, в некоторых случаях невозможно.

Юридические основания исследования военных преступлений, совершенных в прошлом

В наше время «военные преступления» и «преступления против человечности» чётко определены и регламентируются Римским статутом Международного уголовного суда, который вступил в силу 1 июля 2002 г. В ст. 7 Римского статута даётся определение «преступлений против человечности», а в ст. 8 пункт 2(с) и 2(е) определение «военных преступлений, совершенных в ходе военных конфликтов немеждународного характера». Однако в ст. 24 Римского статута указано, что «Лицо не подлежит уголовной ответственности в соответствии с настоящим Статутом за деяние до вступления Статута в силу» [7: 298]. Таким образом, изучать преступления, совершенные практически за сто лет до 2002 г., апеллируя к положениям Римского статута, не представляется возможным.

Однако на момент начала финской интервенции (1918 г.) существовала Конвенция о законах и обычаях ведения войны, принятая на Второй мирной конференции в Гааге в 1907 г. В нашей статье рассмотрение военных преступлений в годы финской интервенции будет производиться с обращением к данной конвенции и на основании норм гуманизма и морали.

Первая статья первой главы Гаагской конвенции устанавливает, что «Военные законы, права и обязанности применяются не только к армии, но также к ополчению и добровольческим отрядам», если у них есть командир, определённый знак и они открыто носят оружие [6]. Это очень важно в контексте событий финской интервенции, ведь Финляндия официально не объявляла войну Советской России, а её правительство заявляло, что в Карелии воюют лишь добровольцы. Подчеркнём, что вопрос об участии во вторжениях 1918—1920 гг. регулярных финских войск всё ещё остается дискуссионным. Впрочем, у этих отрядов всегда были командиры: в 1918 г. — полковник Малым, К. М. Валлениус и Т. Куисма; в 1919 г. — Эро Гадолин и П. Талвела. Они открыто носили оружие и имели свои опознавательные знаки. Так, в 1919 г. бойцы «Олонецкой добровольческой армии» носили повязку «AVA».

Статья 23 Гаагской конвенции детально определяет, что должно быть запрещено во время войны: «а) употреблять яд или отравленное оружие; б) предательски убивать или ранить лиц, принадлежащих к населению или войскам неприятеля; в) убивать или ранить неприятеля, который, положив оружие или не имея более средств защищаться, безусловно сдался; г) объявлять, что никому не будет дано пощады; д) употреблять оружие, снаряды или вещества, способные причинять излишние страдания; <...> ж) истреблять или захватывать неприятельскую собственность, кроме случаев, когда подобное истребление или захват настоятельно вызывается военною необходимостью; <...> Равным образом воюющему запрещено принуждать поданных противной стороны принимать участие в военных действиях, направленных против их страны, даже в том случае, если они были на его службе до начала войны» [6].

Факты убийств гражданских лиц, пленных, раненых и медперсонала; разграбление и уничтожение собственности финскими интервентами в 1918—1920 гг.

События 1918—1922 гг. в Карелии в советской историографии назывались «белофинской интервенцией», в финляндской историографии — «племенными войнами». В современной публицистической литературе присутствует неверное определение: «первая советско-финская война». В целом, в 1918—1922 гг. отряды финских интервентов, получавшие значительную поддержку со стороны правительства Финляндии, совершили шесть походов в восточную Карелию, которые имели целью отторжение её от Советской России и присоединение к Финляндии. В 1918 г. походы также имели целью «зачистить» приграничную территорию от бе-

Обоз финнов. Олонецкий поход (1919—1920)

жавших из Финляндии солдат финской Красной Гвардии, чтобы обезопасить тылы финских белых войск на севере страны. Финляндский историк Юсси Ниинистё включает в «племенные войны» следующие события:

1. Эстонская война за независимость в 1918 г., в которой на стороне белой Эстонии воевали финские войска;
2. Бои с русскими красногвардейцами и английскими интервентами в 1918 г. в северной Карелии (районы Кеми и Ухты);
3. «Олонецкий поход» 1919 г.;
4. Походы в Петсамо (Печенгю) в 1918 и 1920 гг.;
5. «Карельская авантюра» 1921—1922 гг.;
6. Попытки учреждения республики «Северная Ингрия» на Карельском перешейке в 1918—1920 гг. [19].

Наиболее крупными военными операциями, которые финны совершили в Карелии во время Гражданской войны, стали поход на Кемь в 1918 г.; «Олонецкий поход» 1919 г., в ходе которого был захвачен Олонец и осуществлена попытка оккупации Петрозаводска; «Карельская авантюра» 1921—1922 гг. Подробная картина боевых действий в ходе перечисленных военных операций до сих пор не окончательно ясна и требует отдельного подробного исследования, что выходит за рамки нашей статьи. Стоит отметить, что эти события были вкратце описаны во втором томе «Очерков истории Карелии», вышедшем под редакцией В. И. Машевского в 1964 г. [11], и в недавно опубликованном сборнике материалов конференции «Гражданская война в Олонецкой Карелии. (1918—1920)» [9], где боевых действий касаются статьи Е. А. Бочкова и А. М. Пашкова. События 1921—1922 гг. изучены лучше: им посвящены работы С. С. Хесина [17], Е. С. Гардина [8] и К. И. Соколова-Страхова [15].

Даже несмотря на то, что официально Финляндия войну Советской России не объявляла, эти отряды были поддержаны финляндским правительством. Вопрос о том, участвовали во вторжениях только добровольцы, или же среди них были и войска регулярной финской армии остаётся дискуссионным. Однако гипотезы о полном отсутствии в отрядах регулярных войск выглядят несостоятельными. Впрочем, как уже было показано выше, согласно Гаагской конвенции под войсками противника понимаются и добровольческие отряды.

Уже первое вторжение финнов и, как верно заметил В. И. Машезерский, — первое вторжение иностранных интервентов в советскую Карелию вообще [11: 45], состоявшееся весной 1918 г. на севере, было ознаменовано совершением военных преступлений. В. И. Машезерский в книге «Установление советской власти в Карелии (1917—1918 гг.)» упоминает о том, что финны 8 апреля пытались взорвать железнодорожный мост к югу от Кеми, также ими был сожжён барак, в котором была убита женщина и ранены несколько рабочих [10: 129]. Это событие подтверждается сообщением в газете «Петроградская правда» от 11 мая 1918 г. В нём говорилось, что в бараке жили 40 человек и что финны «бросили в окна барака ручные бомбы, стреляли в двери и подожгли барак. <...> убита прислуга, пораженная, по заявлению свидетелей, выстрелом в грудь при выходе из барака» [10: 49]. В рапорте «О наступлении германо-финнов на Кемь», написанном сотрудником Кемского уездного исполкома, также упоминается этот случай, однако с другой датировкой: в ночь с 9 на 10 апреля 1918 г. В том же рапорте имеется сообщение и о событии, произошедшем 9 апреля 1918 г.: финны в 17 верстах от Кеми взяли в плен пятерых разведчиков из числа красных финнов, которых они «зверски расстреливают», а двоим удается сбежать и пробиться к своим [2: 1]. «Петроградская правда», сообщая об этом случае, утверждает, что по её данным финнами были расстреляны четверо разведчиков, а пятым удалось вернуться. В газете эти события датированы 7 апреля 1918 г. [6: 49]. В любом случае, сами факты преступлений имели место быть.

В конце 1918 — начале 1919 г. финнами были оккупированы Ребольская и Поросозерская волости, которые удерживались ими до 1920 г. Первый налёт на Поросозеро произошел 25 декабря (7 января) 1918 г. Тогда финнам пришлось отступить, но вскоре они оккупировали волость окончательно. Свидетелем первого нападения стал заведующий Сумским районом по разработке лесных материалов лесничий Житов, который писал о событиях 25 декабря (7 января) 1918 г. [орфография сохранена — Д. П.]: «...что не только я, что даже почтовые служащие и служащие Парос-озерского Совета не успели бежать от плена и все были захвачены в плен и денежный ящик совета, при чем часть служащих была на следующий же день закованными отправлена в Финляндию, один же из лесников, состоящий членом комитета деревенской бедноты, был убит на месте» [1: 7].

Наиболее изученным событием периода финской интервенции является «Олонецкий поход» 1919 г. Наступление велось в двух направлениях: финнам удалось дойти до Александро-Свирского монастыря и до Сулажгорских высот на окраинах Петрозаводска. После успешно проведенной в конце июня 1919 г. Видлицкой операции финны отступили из Карелии. Напомним, что статья 23 Гаагской конвенции запрещает «убивать или ранить неприятеля, который <...> безусловно сдался» [6]. Однако первый командующий «Олонецкой добровольческой армии» Нильс Эро Гадолин выпустил специальный приказ: «Не создавать специальных мест для содержания пленных и подразделений для их охраны. Пленных или расстреливать на месте, или отпускать по домам» [9: 44], узаконив таким образом сам факт убийства военно-пленных. Массовые расстрелы военнопленных подтверждают документы НАРК, опубликованные в сборнике «Карелия в период Гражданской войны и иностранной интервенции. (1918—1920)». В анкете Олонецкого уездвоенкомата от 30 мая 1919 г. сообщается, что расстреливались коммунисты и их семьи, советские служащие; расстреливали по указанию сторонников финских интервентов за личные счета; расстреливались и раненые. На 30 мая расстрелянных было подсчитано 400 чел., хотя данные эти неточные [4: 155].

Самым известным случаем стал расстрел раненых и медперсонала в олонецкой больнице 24 апреля 1919 г. Согласно протоколам допроса свидетелей расстрела, которые датируются 5 мая 1919 г., вечером 23 апреля финский врач и сестры милосердия явились в больницу, потребовав указать, где лежат раненые красноармейцы. Утром 24 апреля они пришли с отрядом солдат,

которые вывели раненых в огород больницы и расстреляли. Расстреляно было 27 человек, среди которых большинство составили бойцы 171-го стрелкового полка. Среди них пятеро — М. П. Орехов, Ф. М. Акимов, П. В. Миккиев, Х. Б. Петров, В. Г. Ермаков — не являлись ранеными красноармейцами [4: 148—149]. После окончания «Олонецкого похода» Олонецкий уездный отдел советского управления подготовил список расстрелянных белофиннами в Олонце и Олонецком уезде, согласно которому всего было расстреляно 187 человек [4: 157]. Согласно отчёту, представленному Олонецким губернским военкоматом, в уезде было расстреляно 286 чел. [4: 587]. Среди убитых финнами мирных карельских граждан оказывались и дети. В деревне Гиттойла 23 апреля 1919 г. финнами были убиты Егор Иванович Егоров и его трёхлетняя дочь. Они были родственниками Филиппа Ивановича Егорова, председателя Олонецкого уездного революционного комитета, одним из первых организовавшего отряды для обороны уезда от финнов.

Отдельной группой, значительно пострадавшей от рук финских интервентов в 1919 г., стали сотрудники Олонецкой уездной милиции. Практически весь состав Петрозаводской городской милиции участвовал в обороне города на Сулажгорских высотах [12: 60]. Восемь милиционеров были захвачены финнами в плен и расстреляны. Среди них: А. А. Матюнин — секретарь уездной советской милиции, М. Д. Киселев — начальник 2-го района, милиционеры И. П. Качалов и Ф. Г. Тароев, которых захватили 10 июня 1919 г. в селе Спасопреображенское и расстреляли спустя пять дней [3: 2; 8].

В октябре 1920 г. был подписан Тартуский мирный договор, которым завершился первый этап финской интервенции. Несмотря на то, что согласно договору в составе Финляндии оставался весь Карельский перешеек и присоединялась Печенга, финны не прекратили попыток захватить восточную Карелию военным путем. Позднее, в 1946 г., член финляндской делегации на переговорах в Тарту В. Войонмаа скажет: «Как подумаешь о Тартуском (Юрьевском) мирном договоре, когда нам между прочим уступили Петсамо, то нужно сказать, что никогда Финляндия не заключала столь выгодного мира. <...> Финляндский народ являлся во внешней политике избалованным ребенком» [16: 161]. Однако события 1921—1922 гг. («Карельская авантюра») свидетельствуют о том, что далеко не все в Финляндии разделяли это мнение, что доказывается и совершёнными военными преступлениями, требующими отдельного специального исследования.

Обсуждение

Нужно отметить, что военные преступления финских интервентов в 1918—1920 гг. всё же отличаются от преступлений 1941—1944 гг. В 1918—1920 гг. террор был нацелен в первую очередь на коммунистов, красноармейцев и советских служащих, в то время как в 1941—1944 гг. карательные действия финнов были направлены против славянского населения оккупированных территорий в целом. При этом, если в 1941—1944 гг. шёл процесс национальной

Солдат Олонецкого отряда (1919—1920)

сегрегации населения оккупированных территорий, то в 1918—1920 гг. её проявлений не было из-за слишком короткого периода оккупации и необходимости заручиться поддержкой местного населения.

Помимо этого, в 1918—1920 гг. финны не планировали создавать какие-либо специально оборудованные места для принудительного содержания военнопленных или интернированного населения. Это можно объяснить тем, что финны, вероятно, сомневались, что смогут удерживать занятую территорию длительное время, и тем, что им некуда было девать интернированное население. В то время как в 1941—1944 гг. планировалось часть нефинского населения уничтожить в концлагерях путём создания невыносимых условий содержания, а оставшихся в живых передать на немецкую территорию после победы над СССР. Причём, опыт создания мест принудительного содержания для большого количества людей на момент начала интервенции в Карелии у финнов уже был. После победы в Гражданской войне в мае 1918 г. в Финляндии создавались концлагеря для красногвардейцев, их сторонников и русскоязычного населения. К концу боевых действий в мае 1918 г. насчитывалось около 75 тысяч заключённых красных, которых разместили в 61 концлагере. В книге «Suomen luokkasota» сообщается о 90 тысячах заключённых [18], что составляло 3 % всего населения Финляндии того времени. Около двух пятых от общего числа заключённых были ни в чём не повинными людьми, не принимавшими участия в боевых действиях. На 26 июня 1918 г. в концлагерях содержалось 73915 человек. Затем количество концлагерей уменьшили до 19-ти. Арестованные умирали от голода и болезней из-за ужасающих условий содержания. Всего 13442 человек умерли во время нахождения в лагере, а 613 человек — после освобождения [18].

Обращает внимание, что многие действия финнов в 1918—1920 гг. типичны и для 1941—1944 гг. Нападение 24 апреля 1919 г. на госпиталь в Олонце практически идентично налёту диверсионного отряда И. Хонканена на госпиталь в Петровском Яме 12 февраля 1942 г. Массовые расстрелы военнопленных также характерны для периода Великой Отечественной войны. По данным финского историка А. Куяла из примерно 65 тысяч советских военнопленных 1200 человек были расстреляны [14: 314]. Всего по данным Э. Пиетола в плен к финнам попало 64188 солдат РККА, из них умерло 19276 человек [13]. Однако А. Куяла настаивает на том, что всего умерло 22 тысячи пленных, из которых три тысячи умерли, не будучи зарегистрированными [14: 313]. Можно предположить, что большая часть из этих трёх тысяч человек были убиты спустя небольшое время после пленения, что было практически нормой для финских интервентов в 1918—1920 гг.

Заключение

Подводя итоги вышесказанному, приходим к заключению, что следует продолжить исследование военных преступлений финских интервентов в Карелии. Необходимо вводить в научный оборот и тем самым делать известными широкой общественности документы из столичных архивов (в частности, Российского государственного военного архива в Москве); углублённо изучать документы НАРК, а также обстоятельно выявить все случаи военных преступлений в ходе «Карельского восстания» 1921—1922 гг. Приведённые в статье данные позволяют составить более полное представление о советско-финляндских военных конфликтах, доказывая в то же время, что жестокие действия финских войск в Карелии в 1941—1944 гг. не были чем-то новым. Тем более они доказывают, что жестокость финнов в годы Великой Отечественной войны не возникла под влиянием союзнического Третьего Рейха. Впрочем, видна и трансформация характера военных преступлений. В отличие от периода 1918—1920 гг., в 1941—1944 гг. финны создавали места массового принудительного содержания военнопленных и интернированного населения, а имевшие место проявления жестоко-

сти были направлены не только и не только на коммунистов и советских служащих, но на население не финно-угорского происхождения в целом.

Список источников

и литературы

1. Архив УФСБ по РК. Ф. 6.3. Д. 15.
2. Национальный архив Республики Карелия (НАРК). Ф. Р-550. Оп. 1. Д. 1/1.
3. НАРК. Ф. Р-99. Оп. 1. Д. 8
4. Карелия в период гражданской войны и иностранной интервенции (1918—1920). Сборник документов и материалов / под ред. Я. А. Балагурова, В. И. Машезерского. Петрозаводск: Карельское книжное изд-во, 1964. 648 с.
5. Разгром белофинских интервентов в Карелии в 1918—1922 гг. Сборник документов / под ред. П. Г. Софина. Петрозаводск: Гос. изд-во КФССР, 1944. 166 с.
6. Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны от 18 октября 1907 г., подписанная в Гааге // Вторая конференция мира 1907 г. Санкт-Петербург: Издательство Российского МИД, 1908. [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901753259>
7. Римский статут Международного уголовного суда // Московский журнал международного права. 1999. № 4.
8. Гардин Е. С. Разгром белофинской авантюры (1921—1922) / Е. С. Гардин. Петрозаводск: Гос. изд-во КФССР, 1947. 53 с.
9. Гражданская война в Олонецкой Карелии (1918—1920). Сборник материалов научно-практической конференции / под ред. С. Г. Веригина, А. М. Пашкова. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2020. 200 с.
10. Машезерский В. И. Установление советской власти в Карелии (1917—1918) / В. И. Машезерский. Петрозаводск: Гос. изд-во КАССР, 1957. 207 с.
11. Очерки истории Карелии. В 2 т. Т. 2 / отв. ред. В. И. Машезерский. Петрозаводск: Гос. изд-во КАССР, 1961. 411 с.
12. Петрозаводск — город воинской славы: военный форпост России на Европейском Севере. Сборник материалов научно-практической конференции / под ред. Г. В. Чумакова. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2020. 112 с.
13. Пиетола Э. Военнопленные в Финляндии в 1941—1944 гг. / Э. Пиетола // Окрестности Петербурга, [2001]. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aroundspb.ru/finnish/pietola/pietola1.php>
14. Русский Сборник: исследования по истории России / ред.-сост. О. Р. Айрапетов, М. А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти. Т. XVII: Финляндия и Россия. Москва: Модест Колеров, 2015. 432 с.
15. Соколов-Страхов К. И. Зимняя кампания в Карелии в 1921/22 г. Борьба за обладание Мурманским незамерзающим портом и железнодорожным путем к нему / К. И. Соколов-Страхов. Москва ; Ленинград: Военная типография управления делами Наркомвоенмор и РВС СССР, 1927.
16. Сюккийнен И. Карельский вопрос в советско-финляндских отношениях в 1918—1920 годах / И. Сюккийнен. Петрозаводск: Гос. изд-во КФССР, 1948. 170 с.
17. Хесин С. С. Разгром белофинской авантюры в Карелии в 1921—1922 гг. / С. С. Хесин. Москва: Воениздат МВС СССР, 1949.
18. Halonen A. Suomen luokkasota. Historia ja muistelmia / A. Halonen // Marxists.org, [2010]. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.marxists.org/suomi/historia/suomen-luokkasota/ch02.htm#katsaus>
19. Niinistö Ju. The Heimosodat (The Finnish Kinship Wars of 1918—1922) / Jussi Niinistö // Alternative Finland, [2006]. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.alternativefinland.com/the-heimosodat-the-kinship-wars-of-1918-1922-part-1/>

Military crimes of Finnish invaders in Karelia (1918—1920)

Denis A. Popov

Second-Year Underground Student
Petrozavodsk State University
Institute of History, Political and Social Sciences
Research Supervisor — Professor Sergei G. Verigin
Petrozavodsk State University

Abstract: The article scrutinizes the issues connected with the crimes committed by the Finnish invaders on the territory of the Olonets province (guberniya) and Kem county (uezd) of the Archangelsk province between 1918 and 1920. All cases of such crimes confirmed by archival evidence are investigated. The problem of studying the commitment of war crimes against the civilian population of Soviet Russia after 1917 is analyzed as well. A comparative analysis of the war crimes committed by the «White Finns» during the Finish Intervention in Karelia of 1918—1920 and during the Great Patriotic War of 1941—1944 is also conducted.

Key words: military crimes; crimes against humanity; Finnish intervention; Civil War in Karelia